18+

АННА КАФА

ОЖИВШИЙ ПОРТРЕТ

Роман для тех, кто хочет себя найти

Анна Кафа

Оживший портрет. Роман для тех, кто хочет себя найти

«Издательские решения»

Кафа А.

Оживший портрет. Роман для тех, кто хочет себя найти /
А. Кафа — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-652541-2

Молодая женщина по имени Агата вдруг понимает, что ее жизнь — это длительное предательство себя. В состоянии душевного ненастья, она порывает отношения с мужчиной, который так и не смог ее оценить. Однажды Агата заходит в антикварную лавку, где покупает портрет. С этого момента и начинается история подлинной близости…

ISBN 978-5-00-652541-2

© Кафа А.
© Издательские решения

Содержание

ОЖИВШИЙ ПОРТРЕТ 6
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Оживший портрет
Роман для тех, кто хочет себя найти

Анна Кафа

© Анна Кафа, 2025

ISBN 978-5-0065-2541-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОЖИВШИЙ ПОРТРЕТ

экзистенциальный роман-поиск
«Это Я, не бойтесь» (Мф. 14:27)

Это был один из тех запутанных дней, когда все рассыпается: теряются мысли, расстраиваются планы… Именно в этот день я купила в антикварной лавке необычную картину, которая открыла мне себя. Но… В любой истории важна предыстория. Итак…

Я проснулась раньше Солнца, которое лениво вытягивалось своими длинными лучами из весеннего дрема. Я наблюдала, как свет растекается по одеялу, под которым, объятый все еще глубоким сном лежал… Даже не знаю, как его назвать. Любовник? Возлюбленный? Милый друг? Человек, к которому тянется моя душа, с которым мы часто спим вместе, а живем врозь.

Я смотрела на свет, на Него и было чувство, будто в свете этого невинного солнца проступила вся моя грязь. Я проснулась с ощущением, что все «не так», что это не моя постель, не мой человек, и я сама себе – не своя. Я вслушивалась в его глубокое дыхание… Мне всегда нравилось прислушиваться к дыханию мужчины, в нем есть что-то завораживающее, мужчина дышит, как скала: громко, всей своей каменной грудью, всей мощью… Казалось, что ему было хорошо, он спал. Я еле коснулась губами его уха. Он не знал, что я ухожу… Не почувствовал, он спал.

Я ухожу, а он остается. У него будет свой день, своя история, а у меня – своя… Я ухожу. Я натягиваю на ногу чулок, который тоже знает, что я ухожу, и что «так не должно быть». Что должен быть один дом, она постель, одна история. Это рассказало мне Солнце. Я проснулась. А он спит.

Мне хотелось и есть, и бежать одновременно. Я выбрала бежать. Черное платье уже было на мне, я быстро причесалась и выпорхнула на волю. Я работаю рекламным агентом, в этот день, как обычно, у меня было запланировано несколько встреч. Но мне не хотелось никого видеть, никому улыбаться сквозь слезы, поэтому я достала сотовый телефон и, сделав несколько звонков, все отменила. Я поняла, что настал день встречи с собой. В моем распоряжении были почти сутки, так как вечером нужно было забрать у бабушки моего пятилетнего сыночка – Марка.

Солнце совершенно не скупилось на свет, оно золотило автобусы, окна, крыши домов. Я решила гулять, пока не надоест, пока из головы не выветрится пыль, а из сердца – печаль и тревога. Улочка, по которой я шла, была усыпана аккуратными деревянными домиками, коваными скамейками и клумбами. В середине каждой скамейки находился своеобразный узор в виде крыльев. Я как раз проходила мимо одной из них, той, где повстречалась с Ним. Это было три года назад, так же весной. Я читала «Постороннего» Камю, когда ко мне подошел высокий мужчина и вежливо попросил подержать его лабрадора, пока он зайдет в аптеку. «Мне очень нужно попасть в аптеку, а моя собака не любит одиночества», – его просьба была так мила и необычна… Я никогда не боялась собак, а больших всегда любила, поэтому с радостью согласилась. Он вернулся, протянул руку и просто произнес: «Глеб». Я также просто ему ответила: «Агата».

Так все началось. К моменту нашей встречи у меня был один неудавшийся брак и один прекрасный ребенок. У него было двое детей, которые жили с его бывшей женой в другом городе. Мы оба потерпели неудачу, как супруги, у нас были общие раны, и, как оказалось позднее – общие интересы. Я влюбилось в его глаза – серые, твердые, глубоководные. В них хотелось нырять, смотреть, жить… Так началась наша история. Глеб был бизнесменом, его голова постоянно была чем-то занята. Ему приходилось постоянно думать, решать, отвечать, действовать. Ему нравились движение, достижения, риск, вызов. Он постоянно играл с реальностью,

будто проверяя себя на прочность и, к счастью, всегда одерживал верх. Но к моменту, когда мы познакомились, его азарт к жизни сменился на какую-то апатию. Он уже знал, как быть сильным, как достигать, как управлять, как держаться на плаву. У него появилось много квартир, домов, машин, много людей, которым не было до него дела… После развода он вдруг почувствовал, что стал королем в пустом королевстве. Он один. В погоне за тщеславием и силой он не заметил, как забыл про свою жену и детей. А также свою способность радоваться, сопереживать, чувствовать, проявлять слабость, способность разбивать сердце о других. Он стал замкнут, недоверчив и презрителен. Его все больше тянуло к чему-то духовному, он стал много читать, его дом наполнился мировой литературой, философией и религиозными текстами. Именно это нас и сблизило. А конкретнее – Камю…

Вначале он немного удивился моему имени:

– Агата? – произнес он

– Да… Но не Кристи…

– А я подумал про камень агат. Он имеет какое-то отношение к имени?

– Можно предположить, что у меня каменная душа – я засмеялась.

– В таком случае, можно поинтересоваться, что читает ваша душа?

– «Посторонний»

– Камю?

– Да, – удивилась я, – а вы читали?

– Да.

– И… Как? Понравилось? – я немного сбилась, – простите редко встретишь мужчину, читающего Камю.

– Как и девушку с каменной душой.

– Пока читал, чувствовал себя посторонним самому себе и другим.

– ??? – я удивленно раскрыла рот.

– А вам?

– Он мрачен. А я люблю свет в конце тоннеля.

– Мрачен? Скорее реалистичен, он не хочет создавать иллюзии и надеяться на свет, поэтому пытается учиться жить во тьме. Без надежды. Помните, как Сизиф… Он сознательно принимает абсурд. И не жалуется.

– Вы, случайно, не литературовед?

– Нет, я строитель.

– Но без надежды на свет, мне кажется, невозможно жить.

– У честности никогда не бывает голливудской улыбки. Но зато в этом и есть ее красота.

Я молчала.

– Вот вы читали «Постороннего» к вам и пришел Посторонний, – улыбаясь проговорил он, отчего его глаза как-то тепло заблестели.

– Нет, что вы, я очень рада общению.

– Что ж, если так, и вы свободны, приглашаю вас прогуляться.

Я кивнула головой…

Наша прогулка затянулась на несколько лет. Но странно, он как был, так и оставался для меня, как в тот первый день – Посторонним. Наша связь носила очень «тихий» характер, я не знакомила его со своим кругом, а он не вводил меня в свой. Он жил один, я иногда оставалась в его особняке на несколько дней, где временно играла роль хозяйки: убирала, готовила суп, гладила рубашки… Мне нравилось это время, я чувствовала себя уютно и защищенно. Ему, как мне казалось, тоже было приятно, но когда выходной подходил к концу, я неловко улыбалась и уходила. Он никогда не предлагал, чтобы я осталась дольше, не предлагал жить вместе. Почти не интересовался моим сыном, спрашивал о нем, скорее из вежливости. И каждый раз, когда я выходила из его теплой постели, в моей душе становилось холодно. Посте-

пенно я начинала злиться на него, хотя за что? Он ведь мне ничего не предлагал. Ни к чему не обязывал. Мы встречались, нам было хорошо и интересно… И… Все. Спросить у него: «Что дальше?» У меня не поворачивался язык. Он, наверное, бы удивился… Я боялась, что испорчу то немногое, что есть. Поэтому молчала. Наверно, это заложено в женской природе: ждать от мужчины какой-то определенности, каких-то слов.

Ему было «и так хорошо», а мне постепенно становилось «не хорошо». Я все больше чувствовала, что мы «посторонние» друг другу. Почему так? Эти мысли не раз возникали в моей голове, я их прогоняла, сбегала от них и… Не так давно я решила перестать бегать от себя. Когда грустно, я начала грустить. Когда страшно, я решила бояться. Я решила поддаться всему, что несет мне мое бытие. И вот, нечто случилось… Я всегда знала, что жизнь более фантастична, чем любая фантастика.

В то утро я вышла от него с чувством, что предаю себя. И он здесь совершенно ни при чем… Каждый предает себя в одиночку, а тот, кто оказывается рядом с тобой в одной кровати, оказывается твоим сообщником. Не всегда ближний оказывается близким. Он может быть «посторонним». Не всегда тот, кто тебя обнимает, заботится о тебе, очень часто, он заботится о себе, о том, чтобы ему было хорошо. И, когда ты исчезаешь из его объятий, он без особого расстройства продолжает обнимать вместо тебя свою подушку. Итак, мы оба оказываемся предателями, я – потому что не ценю свою душу, и отдаю себя, как вещь, и он – потому что перестал делать различие между вещью и человеком.

Что он будет делать, когда проснется? У него все будет хорошо: он вкусно позавтракает, сделает зарядку, прогуляется, почитает какую-нибудь книгу, потом займется делами. Возможно, пришлет очередное фото какого-нибудь пейзажа, или умную цитату, или смайлик. Но он никогда не спросит: как ты? Как себя чувствуешь? Как прошел день? Нужна ли тебе помощь? С ним можно беседовать на самые разные темы, обо всем, кроме того, что касается самого важного, личного. Он не готов к моим переживаниям, проблемам, боли, тревогам. У него хватает «своих забот», а от остального времени он готов получать только удовольствие.

Я вышла навстречу весне, я знала, что в этот день что-то случится, потому что больше нельзя было оставаться чужой себе. У меня не было плана и цели, я просто шла, куда несли меня какие-то внутренние крылья… И вот, мы «прилетели» в антикварный магазинчик. Я люблю места, где много старинных вещей. В них особенный запах, проглатывая который, будто возвращаешься назад: часы с кукушкой, фарфоровые куклы, книги, медали, открытки, сервизы… Эти обломки прошлого несут в себе и тайну, и печаль, и любопытство, и какое-то как ни странно тепло… В прошлом есть что-то теплое, уютное. В него можно закутаться, как в плед, и забыться. Да, иногда бывают моменты, когда хочется вынырнуть из своего бытия и на время исчезнуть. Может поэтому так много людей исчезают в компьютерных играх и сериалах.

Я растерянно разглядывала предметы, мне ничего не было нужно, я пришла не как покупатель, а как гостья из настоящего. Между нами было молчание. Предметы, как и я, хранили свою личную тайну. Я зачем-то взяла маленькую синюю чашечку с золотым ободком, подумала, как приятно пить из нее чай. Вернула ее на место и решила, что, наверное, пора уходить, чтобы не утомлять продавцов своим передвижением. Вдруг я заметила, что откуда-то мелькнул свет. Я присмотрелась… Но не поняла, что могло быть его источником. Может светильник? – подумала я, но разглядывая пространство ничего не заметила. Но свет был. Он резанул мой взгляд, это не могла быть галлюцинация. Я подошла ближе и… Вот. Вот он – Свет. Это и правда было что-то удивительное: светились глаза на холсте. Я подняла стоявшую на полу картину, она была без рамы, пыльная, с дыркой в правом углу. Портрет был совершенно неряшливый, написанный будто на скорую руку, в какой-то лихорадке. Мазки повсюду нервные, жесткие, но в месте, где глаза и переносица они вдруг обрели удивительную мягкость. Мрачная, хаотичная, серо-сине-черная гамма полотна, вдруг, как по какой-то благодати, удостаивается практически ико-

нописного лика. Глаза и переносица выведены золотистым, блестящим цветом. Именно они светились. Я внимательно разглядывала каждую деталь работы. Фон был очень тяжелый, дисгармоничный, с задыхающимся пустырем и крестообразными палками. Работа, мне показалось, относилась к началу XX века, когда искусством завладел авангард. Дыра в углу тоже была необычной: она не походила на разрез чем-то острым, скорее, она была похожа на отверстие, оставленное пулей. Не картина, а загадка. Я всматривалась в этот удивительный лик, и вдруг ощутила, как мы похожи. Он – этот занесенный прошлым персонаж чьей-то измученной души, и я. Казалась, что этот человек растратил все до последнего, может он спился, или сошел с ума от горя, или увяз в пороке, он себя предал, за ним – пустыня. Он уже «не жилец», но, как бы он над собой не издевался, Образ Божий невозможно убить, он – СВЕТИТСЯ даже сквозь мрак, он его разрывает. Человек себя предал, но Бог его никогда не предаст. Да, картина кричала мне в уши: «Бог тебя не предаст». Со мной что-то случилось, на меня нахлынул священный ужас, я, наверное, вскрикнула, картина выпала из рук…

Я лежала на диване. Надо мной стояла испуганная женщина, похожая на Мерлин Монро в старости, и приятный мужчина с гладкой, ровной бородкой, в его взгляде было что-то золотистое, доброе, он улыбался. Я не понимала, что происходит, сон, наверное, но тут мужчина заговорил:

– Как вы? Вы упали в обморок…

Ах, вот оно что, – сообразила я. – А картина? Она была?

– А где картина? – непроизвольно проговорила я и тут же сконфузилась, – извините.

– Картина? А… Так это, видимо, картина ее так напугала, – деловито обратилась Монро к мужчине. И не мудрено, я сама ее подальше от глаз убирала, и как это она вдруг опять тут очутилась. Может студенты недавно заходили, все на свете перетрогали, они, видимо, портрет и переставили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.